ЭССЕ О «ФИЛОСОФСКОМ ВЕКОРДИЗМЕ» (МЫСЛИ, НАВЕЯННЫЕ СТАТЬЕЙ М.В. ЧЕКМАРЁВА И А.С. ЧУПРОВА «ВЕКОРДИЗМ, ИЛИ МИРООЩУЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ»)

УДК 101.9

С.В. БОРИСОВ

Казалось бы, в обыденном понимании с безумием не может быть связано ничего хорошего и тем более оптимистичного. Безумие — состояние безысходности, ситуация тупика, загнанности в постоянное противоречие и конфликт между мной и миром. У безумного «не все дома», потому что он сам не может обрести дом в себе. Его все время что-то гонит «из себя», все время что-то мешает установить душевное равновесие и найти тем самым мир и покой. Но именно этим безумный чем-то напоминает философа. Об этом писал Ясперс. «В начальный период некоторых душевных болезней имеют место совершенно потрясающие метафизические откровения, которые, правда, по форме и речевому выражению являются всегда настолько шокирующими, что их оглашение не может иметь какого-либо объективного значения, за исключением таких редких случаев, как поэт Гёльдерлин или художник Ван Гог. Однако тот, кто присутствует при этом, не может избежать впечатления, что здесь разрывается покров, под которым обыкновенно проходит наша жизнь» [4, с. 226–227]. Ясперс подчеркивает, что «творящая изначальность, которой мы обязаны великим философским мыслям», находится вне области мышления повседневности. Наивное философствование безумных лишь «срывает» покров повседневности с глубоких философских проблем и «застывает» на границе «знание–незнание» в мучительной для здравого смысла рефлексивной паузе.

Те откровения, которые даны человеку в пограничных ситуациях, как бы на время срывают «покрывало Майи» с мира, его подлинность открывается душевному взору, в речах безумца звучит правда. Но потом повседневность вновь затуманивает этот взор, и слова правды сменяются бессвязным бредом. Что помогает философу удержаться на грани безумия и не скатиться во мрак тяжелого душевного недуга? Думаю, только его «философская вера» в разумный порядок вещей. В его устах даже абсурд получает разумное обоснование. Философ твердо верит в то, что во всем находится разумное начало, что разум — синоним добра, а добро в свою очередь — синоним красоты и т.д. Все эти атрибуты философского «символа веры» у подавляющего большинства людей вызывают лишь скептическую усмешку. Бердяев прав, философа никто не любит, и современная культура относится к философии как к бесполезной, никому не нужной, пустой игре мысли [1, с. 230]. Правда этот скепсис «счастливого большинства» происходит не от большого ума. Он — следствие и проявление того, что Лейбниц именовал «ленивым умом».

Ведь дело не только в том, чтобы ясно мыслить и всегда совершать рациональный выбор; дело в том, что для такого выбора нужна энергия воли, а ее-то и может перебивать беспокойство повседневных желаний. В зазоры нашего мышления мгновенно внедряется мощный поток иррациональных мотивов и желаний, и мы подчиняемся ему, засыпая наяву и уносясь на крыльях грез. Внимание рассеивается, воля сменяется слепым желанием. Мы не хотим мыслить. Так обнаруживается «ленивый ум» [2, с. 54–62]. Итак, во-первых, это наше нежелание мыслить, во-вторых, это наше притворство (ведь мы осознаем, что спим наяву), в-третьих, это наша привычка не мыслить, мы не в состоянии побороть собственную лень. По мысли Лейбница, есть только один способ бороться с «ленивым умом» — нужно везде и всегда мыслить до конца. Если мы мыслим до конца, мы получаем особое наслаждение от процесса мышления, которое сохраняется в памяти.

Разум — это «орудие труда» философа. Подобно пауку, он ткет из самого себя паутину слов и смысловых звеньев. Его творение завораживает своей красотой и совершенством формы. «Игра в бисер» предполагает тонкое знание множества смысловых переходов, по которым можно блуждать в поисках все более совершенного порядка. Этот труд полон эротизма (жизненной энергии), приносит философу огромное наслаждение, дает ощущение гармонии, ощущение причастности к величию Логоса. Философия — это религия, печать которой можно обнаружить у любого представителя этого «ордена», кто по-настоящему глубоко исповедует философскую веру. Но слаба та вера, которая не находится в согласии с разумом, и слаб тот разум, который не одухотворен верой. Поэтому среди «нашего брата» немало догматиков, путаников, «чиновников от науки», да и просто самых обыкновенных (клинических) безумцев. Исторически являясь «служанкой» то богословия, то науки, то идеологии, философия как «научная дисциплина»

безнадежно дискредитировала себя. Это не удивительно. Удивительно то, что несмотря на такую «вековую» дискредитацию, философия еще кажется обыденному сознанию чем-то важным, таинственным. Может, ее считают важной, потому что она таинственна, а может, чем черт не шутит, те «истоки философии», о которых писал Ясперс, действительно живут в каждом человеке, и философствование является атрибутивным свойством мышления, предшествуя всем другим «институализированным» формам. Будем надеяться, что философ в современном мире может говорить не только потому, что «не может молчать», но и потому, что его хотят услышать.

Векордизм — способ защиты. «Философский векордизм» — это тоже защита, уход от повседневности, даже если при этом философ и рассуждает о повседневности. В зависимости от настроения философа оценки повседневности могут варьироваться от обличительных и трагичных до благодушных и оптимистичных. Причем само это настроение философа меняется по ходу его рассуждений, по мере того, как философу открывается скрытая суть вещей. От абсолютного протеста он может прийти к абсолютному примирению. От жестокой хандры и мизантропии он может перейти к эйфории катарсиса и счастья. Чем это можно объяснить? Почему «злой» философ может вдруг «подобреть»? Потому, что ему открылась мудрость или потому, что он просто рад за себя и его переполняет гордость и самолюбование? Согласитесь, философствуя, трудно быть беспристрастным, и особенно по отношению к себе. Ведь за «холодным» разумом философа скрывается его «горячее» сердце.

Повседневность требует от философа повсеместно явно или скрыто «изменять» своему философскому ремеслу, отказываться от своей философской веры. Изобличая пороки мира сего, философ тем самым изобличает и борется со своими пороками. «Философский векордизм» становится способом самозащиты. «В самом деле, — пишет Ницше, — толпа долгое время не узнавала философа и смешивала его то с человеком науки и идеальным ученым, то с религиозно-вдохновенным, умертвившем в себе все плотское, "отрекшимся от мира" фанатиком и пьянчугой Божьим. И если даже в наши дни доводится услышать, что кого-нибудь хвалят за то, что он живет "мудро", или "как философ", то это означает не более как "умно и в стороне"» [3, с. 326–327].

В современном мире, в век глобализации «жить умно и в стороне» — непозволительная роскошь. У философа должно быть свое собственное отношение к современности, и это отношение должно быть так или иначе выявлено или высказано. Он должен «дружить» с современностью, жить в современности, быть современным. Ни реверсионизм, ни тотальное отрицание, ни добровольное заточение «в башню из слоновой кости», ни упростительство, ни уход в другую «языковую профессию» не могут быть оправданием философу за бегство от современности. Ничто из перечисленного не снимает его ответственности за право быть свободным в несвободном мире, которое дает ему это «звание» (разумеется, не научное) философа. Философ не может быть равнодушным. Забота философа о себе есть его забота о человеке. Бегая по глобальному миру со своим «фонарем», ища человека, он тем самым приносит пользу не только себе. Он в состоянии сделать нечто важное, уникальное, что не сможет сделать ни один из представителей современных и древних профессий, он может вдохновить своей философской верой, он может научить любить.

Современность до предела обострила противоречие между двумя крайностями — сциентизмом и антисциентизмом. Сциентизм науки пугающе рационален без духовности, а антисциентизм повседневности беден разумом и верой. Философ — друг, психолог, попутчик, жизненный советчик, человек «без профессии» и без социального статуса — это та фигура, которая может стать посредником между наукой и жизненным миром, которые в современных условиях отнюдь не склонны к коммуникации. Ответственность философа — быть свободным, быть собой, заботиться о себе и заботиться о том, какую заботу о себе проявляет его собеседник. Если векордизм как способ защиты способствует сохранению человеческого в человеке, является своеобразным «коконом», в котором вынашивается личность, то пусть этот векордизм будет философским, тогда и самозащита окажется эффективнее, и «кокон» крепче, и личность, формируемая в нем, будет воспринимать свое будущее освобождение как награду, а не наказание.

1. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994.
2. Лейбниц Г. В. Опыт теодицеи о благости Божьей, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. М., 1989. Т. 4.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2.
4. Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. М.; СПб., 2001.